

Стенобитное орудие вежливо стучало в стену крепости, а рыцарь сжимал рукоять меча, надеясь, что благородный клинок сам справится со всеми проблемами. В данных обстоятельствах решение пойти в крестоносцы казалось ему не такой замечательной идеей, как раньше. Прекрасно выглядела мысль пойти на военную службу и сбежать из родового гнезда. Домашнее имение было полно невыносимых вещей: вечная опека матушки, знакомства с дочерьми почтенных семейств и скучные пиры. Наверное, сейчас он больше всего скучал по тем самым скучным пирам с их едой. Он надеялся, что еда тоже скучает по нему, и с нетерпением ждал их встречи уже третий месяц. Гарнизонный повар, вероятно, был известным кулинаром среди бродячих собак и других животных, не обладающих вкусовыми рецепторами. Но для людей он готовить не умел совершенно. Особенно для дворян, пробо-

вавших что-то кроме каши. Рыцарь твердо решил обязательно организовать встречу своего раздосадованного желудка с жареным перепелом, которого готовил их личный повар. Если бунтовщики не разлучат рыцаря с желудком навеки путем отделения одних важных конечностей его тела от других.

Нужно было больше узнать про слово «пропаганда», прежде чем попадаться на ее удочку. Особенно если решил попасться на нее после ссоры с отцом. Глава семейства, конечно, был невыносим, но терпеть его нападки было гораздо проще, чем примириться с раной в теле. Хотя смертельная рана не так плоха, как верные клещи в руках любознательного палача.

После очередного скромного удара послышался скорбный грохот рушащейся стены. Баррикада на месте ворот так и осталась не взятой, но на исход битвы это уже не влияло. Крики верных оруженосцев из удрученно-отчаянных стали тоскливо-отчаянными. Нужно было воодушевить людей, но вот желания делать что-то столь опасное у рыцаря не было. Когда инструктор рассказывал о подобных ситуациях, он забыл упомянуть, что совершать подвиги придётся лично. Как и любое другое образование, воинское оказалось бесполезным в реальной жизни.

Выглянув из укрытия, рыцарь решил, что героические речи не принесут желаемого эффекта. Его солдатам гораздо радостнее от мысли, что их командир в относительной безопасности. Насколько счастливее были бы защитники крепости, зная, что горячо любимый ими предводитель находится за много миль от места славной битвы. Битвы, в которой им суждено сложить свои головы. Но, к несчастью, сегодняшнее сражение они переживают вместе.

Солдаты начали сумбурное отступление, и вскоре сражение переместилось во внутренний периметр замка. Пыль, поднимавшаяся после разрушения стены, застилала унылую картину приближающегося поражения. Но лягз оружия ощущался каждой костью в теле и, совершенно игнорируя разумные приличия, без разрешения приближался к рыцарю. Наиболее удачливые защитники замка занимали места на внутренней стене. Наименее удачливые понимали, что внутренние ворота могут закрыть, не дождавшись их героического бегства. Поэтому отступление становилось менее героичным, но более быстрым.

Отовсюду слышался рев старого адъютанта. Этот бородастый зануда со шрамом через все лицо вечно критиковал каждую гениальную тактическую идею. Хотя рыцарь, отслужив около месяца, осознал, что армия – одно из самых закостенелых мест в мире, и её срочно нужно менять самым смелым образом. А старик вечно ныл о необходимости сохранить тот или иной пережиток. Но, надо отдать ему должное, своей болтовней он навел рыцаря на мысль об использовании старого замка. Пусть это заброшенный каменный чулан, но в нем гораздо безопаснее сражаться, чем в чистом поле.

Случайная стрела чиркнула по шлему, четко дав понять, что за окном

нет ничего интересного. В который раз за этот день рыцарь осознал, что даже самым отважным храбрецам иногда бывает страшно. Крики адъютанта прекратились, и звуки боя постепенно стихли. После чудовищного шума, посвящённого смерти и крови, стоны раненых казались оглушительной тишиной.

Стиснув меч в самых страстных объятиях, на которые он только был способен, рыцарь вжался в угол. Судьба сегодня решила обойтись с ним жестоко. Перед глазами проносились прекрасные картины несправедливого, но такого спокойного и счастливого прошлого. Каждый упрек отца теперь казался лишь мелкой неприятностью. Служба в армии теперь виделась досадным недоразумением. Возможно, фатальным и последним недоразумением в жизни.

Грохот тяжелых сапог на лестнице отдавался могильным стуком в сердце неудавшегося героя. К нему приближался неотвратимый рок, который необходимо встречать с мечом в руках и огнем в глазах. Но такого желания у рыцаря не было. Меч предательски выскользнул из рук, а глаза наливались слезами. Раз его солдаты приняли решение сложить оружие и избежать такого подвига, то он, как добросовестный командир, поддержит их в этом своим примером. Дверь распахнулась, и в комнату вбежало несколько бунтовщиков. Обнаженные мечи в их руках казались рыцарю огромными, а пятна крови на лезвиях внушали непередаваемый ужас. Отбросив свое оружие, побежденный командир попытался благородно принять поражение и сдаться, но тяжелый удар эфеса в висок лишил рыцаря сознания и этой возможности.

Пара бунтовщиков подняла тело благородного дворянина и потащила, словно обычного простолюдина, во двор. Каменные ступени словно считали своим долгом отбить ноги рыцаря как можно сильнее. Во дворе его швырнули в пыль, рядом с израненным телом адъютанта. Вся грудь старика была покрыта бинтами в пятнах крови, и в волосах запекалась кровь, но грудь вздымалась равномерно. К центру двора сгоняли пленных солдат. Другой отряд бунтовщиков обеспечивал наличие в замке миролюбивой атмосферы грабежа и вандализма. Запасы оборонявшихся и их оружие собирали в общую кучу рядом с проломом в стене.

Через час с небольшим захваченный замок был полностью осмотрен, и пленников связали в цепочки по десять человек. Лица проигравших были пусты и безразличны к происходящему. Словно пытаясь подчеркнуть настроение защитников крепости, начался небольшой дождь. Капли прибили пыль к земле, и воздух наполнился свежестью с привкусом железа. Где-то на горизонте загрохотал гром. Рыцарь пришел в себя и с ужасом огляделся: рядом лежал раненный адъютант, его солдаты угрюмо молились, а победители стягивали тюки с трофеями.

К рыцарю подошел высокий мужчина с небольшой проседью в тем-

ных волосах, стянутых обручем с драгоценными камнями.

– Даже ваш адъютант не смог спасти вас от гнева графа Лорея, – произнес хорошо знакомый рыцарю голос Далера. – Ваше поведение настолько оскорбило старого графа, что вас не спас бы и король. Тем более никому не нужная старая крепость не могла этого сделать. Хотя вряд ли вы могли отдать такой приказ. Вы бы загнали лошадей в попытке сбежать на родину, не задумываясь о силе пограничных гарнизонов графства.

– Я готов принести графу мои глубочайшие извинения, дабы исчерпать этот конфликт, – дрожащим голосом промолвил рыцарь.

– Ирвэн, вы столь глупы! – со смехом сказал Далера. – По-вашему, граф отправил меня в погоню и снял охранный гарнизон с восточной границы ради ваших пустых слов? Вы и так много уже наговорили. Вам стоило учиться молчать вместо службы в рядах крестonosцев. Вы опорочили армию и опозорили отца, как только надели плащ с крестом.

– Но я не хотел ссоры, всего лишь указал на то, что армейские традиции слишком устарели.

– И потребовали вместе с рекрутами дать вам повара и омаров?

– Но ведь ваше графство славится дарами моря. Логично добавить в постоянный рацион офицеров изысканное блюдо.

– А когда граф мягко указал на малый срок хранения, вы начали втапывать в грязь память о его военных заслугах?

– Просто напомнил графу, что он давно не участвовал в походах и не понимает современных армейских реалий. Он до сих пор уверен, что рыцарь в походе должен нести те же тяготы, что и обычные простолюдины.

– Если вы забыли, то я напомню, что граф Лорей был простолудином и получил титул графа за спасение жизни короля в битве при Латарингии. Он покрыл себя вечной славой, но остался инвалидом, неспособным покинуть замок.

– И это было много лет назад!

– Видимо, в вас еще меньше разума, чем мне казалось. Теперь вашу судьбу решит палач, – произнес Далера и отошел к пролому в стене, чтобы обсудить со своим заместителем детали возвращения в замок.

Внутри рыцаря все похолодело от образа раскачивающейся петли на фоне сверкающего топора. Большую часть жизни Ирвэн был уверен, что смерть и казнь случаются со всеми, кроме него. Мысль, что он скоро лично узнает насколько крепки объятия петли, бесцеремонно вытряхнула из головы все остальное. Мир сузился до простой веревки перед глазами. Рыцарю хотелось рыдать от несправедливости. Пленники вокруг начали шептаться об их судьбе.

– Может, граф отпустит нас из уважения к адъютанту Семерсу?

– Говорят, что граф когда-то служил с его светлостью, отцом Ирвэна...

– Мы обречены висеть на деревьях рядом с отрубленной головой нашего молодого господина...

– Молчи! Наверняка еще есть шанс на помилование!

Этот злой шепот напомнил Ирвэну о его корнях и вселил надежду на спасение. Его отец, герцог Латарингский, был близок к королю, и, несмотря на свой вредный характер, не позволит убить своего замечательного сына.

Рядом закашлял адъютант. Могучая грудь в доспехах ходила ходуном. На бинтах показалась свежая кровь. Старый и грозный рыцарь перевернулся на один бок и долго откашливал комки крови. От такой картины Ирвэн чуть не потерял сознание, даже образы собственной смерти не пугали его настолько. Увидев, что адъютант очнулся, к пленникам вновь подошел Далера:

– Мое почтение, месье Сомерс, вы славно потрепали мой отряд, – улыбнувшись, произнес он.

Адъютант усилием воли сдержал кашель и попытался сесть, несколько пленных солдат бросились ему на помощь. Лицо седого ветерана приняло суровое выражение, смешанное со смирением. Взгляд выражал готовность принять свою судьбу.

– Мое почтение, месье Далера, – с хрипом промолвил он. – Надеюсь на вашу милость.

– К сожалению, это зависит не от меня. Юный Ирвэн оскорбил графа, а вместе с ним и меня. Но если бы я мог, то отпустил вас и ваших людей, обеспечив провизией и медикаментами. Я вполне доволен поимкой Ирвэна.

– Понимаю, – тяжело произнес адъютант.

– Если вам что-то потребуется, обращайтесь ко мне или моим людям. Я восхищен тем, как вам удалось организовать побег юного герцога из замка графа в кратчайшие сроки и постараюсь сделать ваш путь комфортным, – сказал Далера и отошел к солдатам, передающим тюки в пролом в стене.

Пленные солдаты собрались вокруг. Их лица выражали надежду и вину перед командиром за проигранную битву. Никто из солдат не смотрел на Ирвэна, все внимание было обращено на адъютанта. Подобное всегда раздражало рыцаря, но сейчас мысли крутились вокруг скорой казни. Дождь постепенно усиливался. Захватчики засуетились и ускорились. Рыцарь ощущал дождь на своей коже, слышал далекие раскаты грома, видел появляющиеся лужи, но все это было где-то далеко. Только теперь Ирвэн осознал весь ужас своей судьбы. До разговора с Далерой казнь казалась чем-то невозможным, далеким. Всегда оставалась уверенность в спасении.

Адъютант снова прокашлялся, повернулся к рыцарю и проговорил:

– Есть надежда на милость старого графа и помощь вашего отца. Но в худшем случае вас ждет благородная казнь через обезглавливание. Будьте готовы и не теряйте присутствие духа. Ради отца вы обязаны сохранить свою честь, чтобы не опозорить ваш род еще сильнее.

– Какой толк от чести, если я буду болтаться в петле? – возразил

Ирвэн.

– Виселица – казнь простолюдинов, дворян никогда не вешают, – сказал один из солдат.

– Ваш отец не бросит вас. Превыше всего он ценит семью.

Осмотр заброшенного замка был окончен. Несколько солдат положили адъютанта на носилки и, несмотря на его протесты, переправили через пролом. После чего собрали остальных пленников в общую группу и повели следом. Небольшой отряд израненных и сломленных солдат неторопливо покидал замок. Рыцарь старался держаться мужественно и сурово, но из-за скудных познаний о подобных чувствах, получалось плохо. Для пленников это оказалось очередным жестоким ударом по самолюбию, а для людей Далера послужило отличным развлечением.

Медики еще раз осмотрели пленных, проверили повязки и помогли погрузить адъютанта в свою повозку. Далера приказал им заботиться о Семерсе, не считаясь с расходами и временем. После этого армия выстроилась в колонну и направилась в сторону столицы графства. Они свято чтит приказ графа: доставить рыцаря на казнь как можно скорее. Хотел бы Ирвэн такого же послушания от своих людей. Его приказы исполнялись, только если их повторял адъютант. Хорошо, что он хотя бы знал свое место.

Правда, после ссоры с графом, Семерс рьяно упрекал Ирвэна за совершенное недоразумение. Надо было тогда приказать выпороть адъютанта, чтобы солдаты знали, кто их командир. После этого они бы наверняка сражались до последней капли крови, и битва не была бы так позорно ими проиграна. Теперь, даже если Ирвэн избежит смерти, его военная карьера началась с поражения из-за слабости подчиненных. Наверняка отец отправил с ним самых бесполезных своих воинов. Все ради того, чтобы служба сложилась подобным образом, и рыцарь вернулся бы домой покладистым и послушным.

Дождь промочил насквозь колонну пехотинцев и пленников, но они словно не замечали холода и смиренно двигались за повозками. Лишь Ирвэн выстукивал зубами марш барабанщиков. Теперь он лучше понимал, почему у многих солдат не хватало зубов. После двух-трех походов под дождем зубы поднимали бунт и покидали хозяина, уязвленные настолько халатным обращением. Как же сильно сейчас Ирвэн скучал по своей карете. Она была такой уютной и теплой, всегда защищала от дождей и пешех прогулок. Сейчас в ней везли фураж для армии графа. Немыслимое кощунство! Мягкие сиденья, обтянутые нежным бархатом, завалили пыльными мешками.

Со временем Ирвэн перестал обращать внимание на происходящее вокруг. От него требовалось лишь переставлять ноги, но через три часа пути под дождем ему пришлось усиленно сосредоточиться для реализации такой несложной задачи. Три дня пути запомнились несколькими моментами: стянутые веревкой руки, объятия холодного дождя и сон на привале. Рыцарь

даже не подозревал, что может с таким наслаждением спать. Причем спать не на пуховом матрасе, а на тонком плаще поверх земли. На такой притягательной и мягкой земле. Которая словно пела колыбельную из детства.

Из изнурительного забытья Ирвэна вырвал смех солдат Далера, – колонна приближалась к городу, в центре которого величественно возвышался замок. Теперь победители открыто потешались над пленным Ирвэном, предвкушая его казнь. Все любят зрелищные казни, особенно когда жертва знатный иноземец.

Город встретил отряд радостными возгласами. Горожане начали кидать в пленников камнями и тухлыми овощами, но Далера остановил их, произнеся речь об уважении к солдатам герцога и адъютанту. Про Ирвэна он не упомянул. Колонна беспрепятственно двигалась к замку, горожане уступали дорогу и радостно приветствовали победителей. Если бы не стойкий аромат черни, которая, видимо, рождалась без обоняния, Ирвэн снова впал бы в отупляющее беспамятство. Он уже мечтал поскорее оказаться в замке, в котором хотя бы слышали про духи.

Одним из первых приказов Ирвэна было обязать солдат пользоваться благовониями. Рыцарь хотел приучить своих подчиненных к приличиям знати. Хотя они не слишком оценили порыв. Им не понравилось, что духи покупались в счет их жалования. Не страшно. Через полгода они сами бы не смогли жить без нежного запаха роз.

Отряд вошел в крепость через опущенный мост. В этот раз он казался еще более мрачным, чем при первом визите в город. Темный, неказистый с четырьмя башнями по углам, замок был невероятно скучным в архитектурном плане. Из-за всех недостатков конструкции он наводил тягостные мысли на Ирвэна. Лишенный вкуса архитектор создал типичную коробку и даже не удосужился изменить ее цвет. Словно для войны не подошло бы военное укрепление, покрашенное в голубой или сиреневый цвет, с изысканной деревянной отделкой и черепичной крышей.

Во время разговора с графом Ирвэн упомянул об этом, но граф лишь удивленно посмотрел на него. Глупые, закостенелые старые солдафоны не способны понять прелести новых идей. «Лорей умеет только сидеть в башне и казнить юных гениев», – размышлял Ирвэн. После разговора с адъютантом и пешего похода из руин замка рыцарь сумел успокоиться. Точнее, он слишком устал для страха. Боль от длительной ходьбы бесцеремонно выкинула остальные чувства на улицу, став полноправным владельцем разума Ирвэна.

Далера приказал отвести пленных солдат в камеры, адъютанта разместить в лазарете, а Ирвэна отвезти к графу. Солдаты тут же принялись исполнять приказы и потащили рыцаря вслед за Далерой. Рыцарь смиренно болтался на руках своих стражников, словно знамя проигравшей армии.

Перед главным залом они остановились, и слуга распахнул тяжелые деревянные двери. Создатель этих ворот в комнату, иными словами Ирвэн не

мог их назвать, явно искал дерево, максимально напоминающее неотесанный камень, чтобы придать двери максимально безвкусный вид. Сам зал утонченностью также не отличался. Повсюду незадрапированные деревянные балки, все выкрашено в кроваво-красный цвет. На полу вместо прекрасных ковров постелены шкуры диких зверей. Никаких изысков. Никакого вкуса. Никакой фантазии. А во главе зала старый граф Лорей на своей каталке.

Для своего возраста граф выглядел великолепно. Огромный седой старик с многократно переломанным носом, лишенный возможности нормально двигаться из-за травмы спины, одетый в серую рубаху из простой ткани. Но, несмотря на все травмы и возраст, в нем читалась сила и угроза, словно граф Лорей не был калекой и мог зарубить мечом любого обидчика. В глазах все та же суровость, что и в прошлый раз.

– Приветствую вас, месье Ирвэн, – с сарказмом произнес он. – Ваши попытки поднять меня на смех и сбежать не увенчались успехами?

– Как видите, ваша светлость, – сухо ответил рыцарь. – Но я все еще хочу попросить у вашей милости прощения за то, что неволью оскорбил вас, пытаюсь предложить небольшие изменения в старых порядках.

– Не назвал бы ваши речи невольными, – грозно сказал Лорей. – Особенно те, что вы произносили перед моими людьми после аудиенции.

– Это было продиктовано моей горячностью, и за это я тоже прошу прощения.

– Вы прибыли ко мне за рекрутами для армии его высочества, потом предложили надуть моих солдат, выкинуть мешки с кашей и заменить их омарами, а когда я не согласился, назвали меня дурным калекой в убогом замке, который упивается победами столетней давности. И, когда я, из уважения к вашему отцу, пропустил вашу речь мимо ушей, вы вышли и повторили её перед моими солдатами. Если бы они сразу вас убили, было бы проще. Но ваш отец был мудрым человеком, отправив с вами Сомерса. Он долго спасал вас от вашей глупости.

– Он с радостью примет любое наказание за своего господина, чтобы искупить вину, – с надеждой проговорил рыцарь.

– Замолчи, глупый мальчишка! Твой адъютант спас тебя от моей тюрьмы, мгновенно организовав побег из города после твоих речей! – с гневом прокричал граф. – Ты омерзителен! Прикрываясь своими людьми, ты позорил свое имя и звание, а теперь ты хочешь отправить на плаху своего самого верного солдата? Это немыслимо! Прочь с моих глаз!

Солдаты схватили обмякшего Ирвэна за подмышки и поволокли к выходу. Его состояние было близко к обморочному. Перед глазами вновь возник образ сверкающего на солнце топора. Ужас происходящего полностью поглотил Ирвэна, и он все-таки потерял сознание. Теперь солдаты тащили бесчувственное тело, считая его лодыжками ступени и пороги. Спустив бесчувственного Ирвэна в подвал, солдаты швырнули его на пол камеры. Когда

Ирвэн придет в себя, то сможет почувствовать все прелести подобного обращения с людьми, но сейчас он путешествовал в своем сознании от кошмарного образа петли к ужасающему образу плахи.

Заперев камеру, стражники обсудили со сторожем судьбу заключенного. Если бы Ирвэн смог услышать их разговор, то непременно впал бы в истерику. Стража, весело болтая, обсуждала вид казни и день. Хохот и жестокие шутки стали спутниками рыцаря.

В течение следующей недели Ирвэн научился с теплом вспоминать армейскую похлебку. Живот пусто ворчал и требовал любой гадости для себя, кроме воды. Спина Ирвэна считала, что сон на жестких камнях полезен только как теоретическая процедура и требовала прекратить практику. Лодыжки и кисти вспоминали ласковое обращение солдат и каждую минуту напоминали рыцарю о своем существовании. Но сейчас все жалобы тела остались вдалеке. Казнь должна была случиться завтра утром. Ирвэн очень хотел пропустить это культурное мероприятие и остаться в уютной камере. Жизнь была так мила, но слишком коротка. Всегда слишком коротка.

Последняя ночь в камере была посвящена ожиданию и мыслям. В ней не было места сну. Только воспоминания о слишком короткой жизни. О любящей и заботливой матушке, которая всегда беспокоилась о сыне и рыдала после новости о службе в армии. О сестрах, которые всегда смеялись, слушая рассказы Ирвэна о предстоящих подвигах. О старшем брате, что был идеальным в глазах отца. О старом герцоге, который был суров и зануден, никогда не верил в Ирвэна и обожал старшего сына. О пропаганде, что привела рыцаря в армию. Не стоило верить в бесконечные подвиги и победы.

Не считаясь с желаниями Ирвэна, солнце возвестило о начале нового дня. Ночь, полная воспоминаний, пролетела, как мгновение. Солдаты открыли дверь камеры, стянули руки приговоренного веревкой и молча вывели из уютной камеры. Теперь Ирвэн считал свои последние минуты. После недолгого путешествия по коридорам замка рыцаря вывели во двор. Жестокое солнце, возвестившее о дне его смерти, безжалостно полоснуло яркими лучами по глазам. Теплый ветер приносил с собой свежесть, хотя после подвала замка все казалось свежестью. Рыцарь не представлял, какое наслаждение могут доставить такие обыденные моменты. Один из солдат толкнул Ирвэна к повозке.

Повозка представляла собой железную клетку на колесах. Место для преступников, дезертиров и прочего отребья. Потертое железо тускло отражало солнечные лучи. Стража затолкала Ирвэна в клетку и заперла ее. Стук сердца в груди теперь казался обратным отсчетом. Хромой возница и пара тюремщиков разместились на козлах, после чего повозка начала свой неторопливый путь к эшафоту.

Жители города с любопытством оглядывались при приближении приговоренного Ирвэна и с презрением кричали оскорбления вслед. По мере

приближения к площади людской поток становился гуще, лица в толпе излучали кровожадность все сильнее, крики и оскорбления звучали все чаще и громче. Самые ретивые пытались в Ирвэна кидать камнями и плескаться помоями, но возница с гневом остудил их пыл. Незачем марать повозку ради глупца.

Площадь была забита людьми всех возрастов и сословий. Уличные торговцы криками зазывали клиентов. Дети веселились и играли. Посреди площади был установлен помост с огромной балкой в центре и плетеной корзиной рядом. Ирвэн похолодел от вида этой корзины. Все внимание было приковано к простому предмету, который сделал происходящее еще более реальным, чем раньше. Рыцарь чувствовал, как его голова падает в корзину, и не мог отгородиться от этого ощущения. Сердце своими ударами отмеряло время до конца жизни. Оно билось так всегда, но только сейчас Ирвэн с ужасом осознал этот элементарный факт.

Повозка остановилась, и стража начала отгеснять толпу, чтобы вывести приговоренного. Когда клетку открыли, Ирвэн вцепился в прутья решетки, крича о том, что ему хорошо в клетке, и он не хочет её покидать. Стражники начали его избивать и пытались разжать руки. На это ушло несколько минут. Толпа получала от происходящего огромное удовольствие. Избитого и оглушенного Ирвэна втащили на помост, положили рядом с балкой, накинули на шею и руки петли и привязали к специальным крючьям в балке.

Из глаз Ирвэна брызнули слезы. Он не хотел умирать, не хотел подвигов, славы и самостоятельности. Его щека была плотно прижата к гладкой балке, побои ныли, желудок был пуст. Но теперь Ирвэн мечтал, чтобы это продолжалось вечно. Чтобы последний вздох никогда не настал.

Глашатай вышел вперед и начал зачитывать приговор, толпа радостным хохотом поддержала его речь. Внезапно кровожадный людской муравейник был потревожен. К площади приближалась карета графа. Горожане с почтением расступились и склонили свои головы. Кучер направил карету к помосту, и, как только она остановилась, несколько стражников достали из кареты каталку, в которую помогли сесть графу Лорею.

Когда каталку подняли на помост, толпа почтительно притихла, глашатай отошел в сторону. Граф Лорей взглянул на Ирвэна, оглядел толпу и заговорил:

– Сегодня должна состояться казнь глупца, что оскорбил меня, наше графство и всю армию! – толпа приветственно взревела. – Человек на плахе оказался совершенно бесполезным офицером и привел к гибели себя и своих людей. Но сегодня я решил отменить казнь! – горожане замерли.

– Жизнь этого юноши принадлежит мне, поэтому сегодня погибнет рыцарь-Ирвэн и родится Ирвэн-солдат под моим началом! Он оплатит свою глупость своей службой! В честь этого события я дарую горожанам по кружке эля в каждом трактире! – толпа радостно взревела и начала расходиться.

Ирвэна отвязали от плахи. Он до сих пор не мог поверить в свое спасение от смерти, и его трясло от пережитого ужаса. Ирвэн ощущал счастье всем своим измученным телом. Лорей повернулся к нему:

– Теперь вы поймете, что такое армия и узнаете настоящую жизнь солдат. Не думайте, что сможете сбежать – это решение предложил ваш отец, и у вас нет пути домой. Теперь вы не сын герцога и не глупый рыцарь с сумасбродными идеями. Теперь ты верный солдат короля в моей армии.

Стража помогла Лорею съехать с помоста и забраться в карету, загрузила каталку и начала занимать посты на площади. Ирвэн до сих пор не промолвил ни слова, счастье исчезло вместе со словами графа. Он остался жив, но радость жизни у него забрали на этой плахе. Теперь его не ждут дома. Бежать некуда, мысль о будущем приводит в ужас, а статус офицера потерян. Жизнь слишком сильно изменилась, и Ирвэну еще только предстояло понять насколько.